

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ТЕРМИДОРИАНСКОЙ РЕАКЦИИ

Историк-марксист. 1927. № 4.

Веб-публикация: Люсиль, Э.Пашковский, М.Воронин © Vive Liberta

В задачи настоящего очерка входит характеристика экономической политики первых четырех месяцев термидорианской реакции. В политическом отношении конец лета и осень 1794 года отмечены своеобразным состоянием неустойчивого равновесия борющихся сил¹.

Неоднородность победившей 9-го термидора реакционной группировки, обусловленная глубокими социальными противоречиями внутри антиробеспьеровской коалиции, несомненно должна была найти свое отражение в экономической политике, проводившейся Конвентом и его комитетами.

Таким образом, анализ экономической стороны первых месяцев термидорианской реакции может существенно помочь пониманию крайне запутанных партийно-политических взаимоотношений и, наоборот, политическая историография должна облегчить уяснение пестрого и противоречивого рисунка экономической структуры послетермидоровского периода. Между тем, ни в общих трудах, посвященных этой эпохе, ни в специальных монографиях мы не находим попыток систематического анализа того, что представляла собою экономическая политика победившей 9-го термидора группировки. Общие характеристики всегда слишком беглы и суммарны², при этом, зачастую, исходной их точкой является признание всесторонней губительности закона о максимуме, во всех его проявлениях; но именно при ближайшем ознакомлении с эпохой первых месяцев термидорианской реакции возникает естественно один очень существенный вопрос. Почему же, несмотря на то, что все отрицательные последствия максимума были налицо, Конвенту понадобились тем не менее почти целые полгода для того, чтобы в свою очередь сделать нужные выводы в отношении максимума? Быть может, полгода и небольшой срок, но этот срок становится колоссальным в революционные эпохи. Первые четыре месяца, протекавшие после падения Робеспьера, носят отпечаток вполне законченного, совершенно своеобразного этапа в развитии термидорианской реакции. Не естественно ли будет сопоставить политическую конъюнктуру этих месяцев с основными тенденциями, проявившимися в области экономической политики? Не следует ли здесь искать причин, заставивших Конвент медлить с отменой максимума? И с другой стороны, возникает вопрос, создал ли переворот 9-го термидора какой-нибудь немедленный, крутой разрыв с экономической политикой последних месяцев якобинской диктатуры? Не была ли тут соблюдена преемственность, возникшая из социального сдвига направо, пережитого якобинским режимом еще в весенние месяцы 1794 года?

Таковы основные вопросы, возникающие в связи с поставленной нами темой.

В настоящем очерке мы отнюдь не дюжем претендовать на исчерпывающее освещение и разрешение всех этих вопросов. Объем наших источников (это главным образом собранные и изданные Aulard`ом Recueil des actes du Comité de salut public и отчасти Moniteur)³ позволяет нам только предварительную разведку, сопряженную, правда, с формулировкой известных выводов более общего порядка. Следует также подчеркнуть, что, беря темой нашего очерка экономическую политику, мы заранее отказались от привлечения материала, касающегося финансового хозяйства. Кроме финансов, мы исключили также весь комплекс вопросов, связанных с продажей национальных имуществ. Между тем, социальная реакция 1794 года необычайно выпукло проявилась именно в политике, проводившейся по отношению к национальным имуществам. Поэтому мы оставляем за собой право посвятить этому вопросу особый очерк⁴.

II

Деятельность Комитета Общественного Спасения, этого истинного правительства революционной Франции, была почти что всеобъемлющей. В частности, экономическая жизнь страны, в главных ее проявлениях, входила в компетенцию Комитета, поскольку на него ложилась забота об армии, о военном хозяйстве, а также регулирование продовольственного вопроса и торговли. Существовали особые комиссии, заменившие прежние министерства и ведавшие отдельными отраслями государственного и народного хозяйства. Однако деятельность таких комиссий, как «Commission des armes et poudres» или «Commission des subsistances et de commerce» также как и конвентского «Comite de commerce et approvisionnements» в конечном счете направлялась и контролировалась Комитетом. Правда, переворот 9-го термидора повлек за собой некоторое ослабление власти Комитета, зафиксированное в декрете от 7-го фруктидора (24

августа 1794 года). Однако, несмотря на это, комитет остался центром, оказывавшим самое могущественное воздействие на экономическую политику и объединявшим соответственную деятельность других комитетов и комиссий. Если мы захотим точнее установить, чем именно занимался Комитет, то увидим, что повседневная его работа в интересующей нас области текла по нескольким основным руслам. На первом плане, как и следовало предположить, стоят вопросы, связанные с потребностями армии, с нуждами военного хозяйства. За ними следуют заботы, связанные с реализацией урожая. И обеспечение материальных нужд армии, и обеспечение урожая вызывают целую, широко разветвленную, систему реквизиций. И по численности в актах Комитета на первом плане стоят распоряжения, касающиеся реквизиционной политики. За ними следуют всевозможные постановления, регулирующие применение закона о максимуме. В особую категорию можно выделить при этом вопросы, связанные с заработной платой. Помимо этого, в особую рубрику нужно занести весь комплекс мероприятий, направленных на поддержание отдельных отраслей промышленности, торговли и мореплавания. Впрочем, мероприятия эти носят довольно эпизодический, случайный характер и попадают в сферу компетенции Комитета по самым разнообразным и случайным поводам.

Попытаемся теперь дать хотя бы самый суммарный обзор важнейших мероприятий Комитета за период с конца июля и до середины ноября 1794 года. В истории развития термидорианской реакции период этот имеет совершенно определенную, индивидуальную физиономию. Это период равновесия борющихся сил, период передышки и лихорадочного приготовления к дальнейшим классовым боям. В это время еще сохраняется видимость единства антиробеспьеровской коалиции. Соответственно с этим и экономическая политика Комитета продолжает без перерыва и без всяких модификаций линию, проводившуюся в эпоху господства «робеспьеровской фракции».

Для большей связности изложения мы сгруппируем наш материал не в хронологическом порядке, а систематически вокруг отдельных вопросов экономической политики.

III

Отправной точкой нашего обзора могут послужить мероприятия Комитета в области реквизиций, в частности, реквизиций рабочей силы. Как установлено в труде Е.В.Тарле, «решительный недостаток в рабочих руках особенно обнаружился в 1794 году»⁵. Именно к этому времени начала сказываться полная изношенность того скудного технического оборудования, каким располагали промышленность и сельское хозяйство. В момент жестокого кризиса, переживавшегося сельским хозяйством, власти решительно стали на поддержку имущих слоев деревни, возмещавших технический регресс широким применением наемного труда. Именно поэтому «отраслью наемного труда, которая испытала на себе самым чувствительным образом последствия режима, установленного законом о максимуме, был труд сельскохозяйственный»⁶. Одной из первых очередных забот комитета была забота о реализации урожая. От успешного проведения урожайной кампании зависело продовольственное положение городов и армии.

Но обеспечить своевременный сбор урожая можно было только путем самого широкого применения системы реквизиций. В этом отношении переворот 9-го термидора не создал никакого разрыва с практикой робеспьеровского времени. Еще 11 прериала (30 мая 1794 года) вышел декрет, сбавляющий под реквизицией сельскохозяйственных рабочих. Декрет был издан «в самый разгар террора и неограниченного владычества Комитета, в эпоху абсолютной невозможности даже самой сдержанной критики распоряжений, свыше исходящих»⁷. Под реквизицию, согласно этого декрета, подпали все рабочие, все поденщики, все «обыкновенно занимающиеся полевыми работами». В сопроводительном письме комиссии земледелия основные пункты декрета получили широкое распространительное толкование. Однако, хотя декрет и был издан в самый разгар якобинского террора, прекращение террора и падение Робеспьера ничуть не отразились на политике Комитета, еще с весны 1794 года направленной на поддержку имущих слоев крестьянства⁸. Именно эта поддержка должна была обеспечить выполнение тяжелой обязанности, возложенной на деревню по снабжению хлебом армии и городов. 13 термидора (31 июля) специальный декрет об явил под «реквизицией» всю земледельческую Францию, всю массу мелких производителей, охватываемую широким и несколько неопределенным термином «cultivateurs»⁹, возложив на них снабжение рынков необходимым количеством хлеба.

И параллельно с этим постановлением, подписанным R.Lindet и V.Barere, Комитет, во исполнение решения Конвента, издает другое, касающееся лиц, арестованных в свое время задачу ложных сведений — *a raison de fausbes declarations quil ont faites lors du recensement des graines et des farines*¹⁰. Комитет предписывает освобождение «laboueurs, manouvriers, moissonneurs, brasseurs, artisans de profession», арестованных за то, что у них были обнаружены запасы зерна и муки в количестве, превышающем цифры, указанные ими в декларациях. Комитет не скрывает истинных мотивов этой амнистии. Это все та же потребность в рабочих руках, та же необходимость обеспечить реализацию урожая, толкающая Комитет на поиски рабочей силы, нужной для крепких, зажиточных слоев деревни.

Несмотря на наличие грозных реквизиционных декретов от 11 прериаля и 13-го термидора, положение с урожаем оставалось тревожным. Уже в конце августа Комитет оказывается лицом к лицу с угрозой сокращения посевной площади. Мы не можем, к сожалению, судить о том, насколько реальна была эта угроза. Однако, вводная часть постановления Комитета от 23 августа (6-го фруктидора) констатирует два обстоятельства. Во-первых, арендаторы (*fermiers ou metayers*) бросают сплошь и рядом свои участки и не берут взамен их никаких новых. Во-вторых, граждане, обычно нанимающиеся на разные сроки для производства сельскохозяйственных работ, отказываются от выполнения принятых обязательств. Комитет уверен, что зло можно устранить, напомнив уклоняющимся об их гражданском долге. Впрочем, очевидно, не особенно рассчитывая на патриотические увещания, Комитет тут же предписывает объявить под реквизицией всех арендаторов, бросающих свои участки, и держать под арестом уклоняющихся, впредь до получения от них точных указаний насчет участка, избранного идти для продолжения своей сельскохозяйственной работы. Кроме того, Комитет предписывает штрафовать сельских хозяев, принимающих на работу лиц, не имеющих удостоверения муниципальных властей в том, что за ними не числится никаких невыполненных обязательств по прежним местам их работы. Из-под действия декрета изымаются лица, желающие поступить на действительную военную службу.

Таким образом, реквизиционная политика Комитета общественного спасения в сфере сельского хозяйства получает полное развитие только после падения Робеспьера. Декрет 11-го прериаля может рассматриваться, как исходная точка целой системы реквизиционных мероприятий. Мероприятия объявили под реквизицией сельскохозяйственных рабочих. 13-го термидора реквизировали «всех земледельцев», 6-го фруктидора «прикрепили к земле» арендаторов, лишив их права перехода из сферы сельского хозяйства в какую-либо другую отрасль народного труда. Вплоть до поздней осени 1794 года и даже еще позже можно проследить примеры «реквизиционной практики» комитета. При общей нехватке рабочих рук особенно недоставало молотильщиков, и вот 11-го вандемьера (12 октября) Комитет издает постановление, в котором, между прочим, находится следующее предписание: «муниципальным властям вменяется в обязанность обеспечить за всеми земледельцами их округа нужное им число молотильщиков»¹¹. Кроме того, устанавливается особая кара для земледельцев, которые, получив молотильщиков при содействии муниципальных властей, оставляют их без работы в течение 2 часов.

Однако нам незачем множить примеров. Применение системы реквизиций к сельскохозяйственному труду, начатое еще при Робеспьере, широко развилось в первые месяцы термидорианской реакции. Политика Комитета в этом вопросе была настолько неизменной, что самый переворот 9-го термидора не внес в нее ровно никаких отступлений, никаких колебаний.

Если мы от реквизиций сельскохозяйственных обратимся к реквизициям в других областях рабочей силы, то мы в праве будем обобщить полученные нами выводы. В постановлениях Комитета мы можем различать реквизиции трех типов. Во-первых, реквизируются рабочие в целой отрасли промышленности или транспорта. Во-вторых, реквизиция может иметь более местное, территориально-ограниченное значение. Наконец, иногда реквизиция носит совершенно личный, строго-персональный характер.

Не будем останавливаться на примерах реквизиций этого последнего типа. В актах Комитета встречается очень много постановлений и более общего порядка. 18-го термидора (5 августа) Комитет постановляет «объявить подозрительными» всех извозчиков (*charretiers, laboueurs, voituriers*), уклоняющихся от исполнения обязательств, наложенных на них реквизицией¹². 29-го термидора (16 августа) объявляются под реквизицией «все рабочие, занятые в оружейных мастерских и мануфактурах», а также в производстве пороха и в копях (*poudres et exploitation des mines*). Они прикрепляются к месту своей работы и заносятся в особые списки¹³. 2-го фруктидора комитет принимает обширное постановление о топливном снабжении Парижа и опять-таки, согласно пункту 4-му этого постановления, объявляются под реквизицией дровосеки, обжигальщики угольев и «все вообще рабочие, занятые обычно в дровяном и угольном деле»¹⁴. 22-го фруктидора (8 сентября) та же участь постигает рабочих речного транспорта. «Желая обеспечить внутреннее судоходство», комитет распространяет систему реквизиций, на все внутренние реки и судоходные каналы Республики, в особенности на реки Марну, Сену, Уазу и Ионну. Под реквизицией оказываются также плотники и вообще работники по дереву, обслуживающие морские порты и арсеналы¹⁵.

Результаты широкого применения системы реквизиций приводили подчас к своеобразному закреплению рабочих. 3-го вандемьера Комитет принял любопытное постановление о порядке предоставления отпусков рабочим государственных оружейных мастерских. Отпуска предоставляются только после подачи письменного заявления. Заявление рассматривается администрацией предприятия, и отпуск предоставляется под личную ответственность членов администрации. На срок отпуска рабочий получает особый паспорт, выдаваемый муниципальными властями. Паспорт этот визируется в тех коммунах, которые рабочий посетит во время отпуска. Рабочий, просрочивший свой отпуск, препровождается на место своей работы в этапном порядке¹⁶.

Для нас сейчас важен не столько самый факт жестких ограничений свободы труда, сколько то, что все эти ограничения имели место после падения Робеспьера, после прекращения якобинского террора. Политический переворот 9 термидора не внес буквально никаких изменений в существовавшую и до него систему реквизиций. Забегая вперед, укажем еще и то, что день 24 декабря 1794 года, бывший последним днем максимума, сохранил институт реквизиций. Реквизиции начались до издания общего закона о максимуме и продолжались долго после его отмены «В 1795-1796 гг., — читаем мы в исследовании проф. Е.В.Тарле, — реквизиции рабочей силы отнюдь не прекращаются, и иногда мануфактуры останавливаются вовсе, вследствие того, что все рабочие забраны реквизиционным порядком»¹⁷. Закон 4 фримера IV года (25/XI-1795 г.) только упорядочил самый порядок наложения реквизиций, закрепив право объявлять реквизиции за одной лишь Директорией. В частности, при Директории сохранились реквизиции сельскохозяйственных рабочих. Перед лицом этих фактов мы беремся утверждать, что система реквизиций не составляет какой-либо специфический метод якобинской, террористической диктатуры¹⁸. Была, конечно, некоторая взаимообусловленность между реквизициями и максимумом, но то, что реквизиции не исчезли с отменой максимума, лучше всего показывает их самодовлеющее, самостоятельное значение. Самый же переворот 9 термидора не имел никаких последствий для реквизиционной практики Комитета Общественного Спасения. Между тем, реквизиции, конечно, вызывали определенные, оппозиционные настроения. При фактическом их осуществлении приходилось считаться с массой всякого рода трудностей Реквизиции касались не только рабочей силы, они распространились на целую массу предметов, нужных для потребностей военного хозяйства. Если такие мероприятия, как закон 11 прериаля, могли быть выгодны для зажиточных верхов деревни, для сельскохозяйственной буржуазии, то другим своим концом реквизиции били по всей деревне, без различия отдельных ее прослоек.

Дело в том, что и после 9 термидора ни одна из первоочередных потребностей государственного хозяйства, и в первую очередь хозяйства военного, не могла быть удовлетворена помимо применения уже испытанных репрессивных мероприятий

Именно тут, когда речь шла об удовлетворении насущных нужд армии, не могло быть в первые дни термидорианской реакции и речи о разрыве с установившейся административно-хозяйственной практикой. Машина революционного правительства действует в прежнем порядке, широко применяя всевозможные принудительные меры. Конница терпит от недостатка в сене Запасы сена, собранные военным ведомством, исчерпаны, и вот Комитет, за подписями Carnot, Eschassenaux и Lindet, издает прокламацию. Все земледельцы (*tous les cultivateurs*) извещаются о недостатке овса, испытываемом конницей. Они приглашаются немедленно сократить рацион своих лошадей, и образовавшиеся в результате такой экономии излишки овса пере давать властям коммуны, «которые и будут их оплачивать по ценам максимума». Не слишком полагаясь на патриотический пыл населения, Комитет тут же устанавливает способы вознаграждения и меры наказания. Имена граждан, доставивших наибольшее количество овса, будут доведены до сведения Комитета. Но, кроме того, Комитет затребует у местных властей списки уклонившихся, для того, чтобы дать себе отчет в их поведении¹⁹.

В донесении члена Конвента Lacoste²⁰ содержится любопытный рассказ о реквизиции 500 лошадей в округе Fournies. Реквизиция эта, по мнению Lacoste a, окончательно подкосила округ, опустошенный войной и неприятелем. «Я уже сообщал Вам, — пишет Lacoste, — об ошибках, допущенных во время реквизиций. Я полагаю необходимым скорейшую организацию реквизиционной системы на таких началах, при которых деревня сохранила бы максимально возможное количество рабочих рук и реквизиции падали на мюскаденов из больших коммун». Таковы были пожелания Lacoste`a. Были и другие отклики, другие мнения на счет целесообразности реквизиционной системы. О них скажем после. Сейчас нам важно только запомнить наш основной вывод: 9 термидора не внесло непосредственно никаких изменений в систему реквизиций рабочей силы.

IV

Донесения комиссаров Конвента²¹ свидетельствуют о том, что Комитет не мог не знать тех громадных трудностей, какие стояли перед ним на пути проведения знаменитого закона о таксации максимальных цен.

Еще в конце июня Комитет обратился к комиссии торговли и снабжений с указанием на то, что «закон о максимуме ежедневно нарушается в магазинах и на рынках»²². И, тем не менее, несмотря на это фактическое неисполнение закона, обновленный, термидорианский Комитет меньше всего думал о крутом переходе к принципиально новым формам и методам хозяйственной политики. Установим прежде всего следующий факт. Комитет Общественного Спасения начал отступление от некоторых принципов закона 29 сентября 1793 года еще до падения Робеспьера. Отступления эти имели место, как установлено в труде проф. Е.В.Тарле, «в области

распоряжений, касающихся полотняного, бумажного, мыловаренного производства»²³. Памятуя об этом обстоятельстве, мы после суммарного обзора мероприятий Комитета придем к тому выводу, что и в сфере максимума переворот 9 термидора не привел к какому-либо резкому разрыву с установившейся до него административной практикой,

К пересмотру, к ревизии отдельных постановлений закона 29 сентября приступали исподволь, по (Причинам и поводам чисто эмпирического порядка. 17 термидора Комитет изымает из-под действия максимума красные сукна (*les draps ecarlates*), вырабатываемые на мануфактуре Гобеленов в Париже. Их разрешают продавать *de gre a gre*, «по взаимному согласию». 20 термидора Комитет санкционирует постановление комиссии торговли и снабжений, фиксирующее наново цены на шерсть. 21 термидора устанавливается максимум заработной платы для служащих исполнительных комиссии, постановление, подчеркивающее, как далеки были его авторы от мысли о возможности отмены самого максимума. 26 термидора Комитет находит, что нужно изменить ставки максимальных цен на сено, и действительно понижает ставку для всех худших его сортов. Тем же постановлением фиксируются цены на люцерну и клевер. На тот же день падает еще одно постановление, более принципиального характера. Из-под действия максимума изымаются окрашенные полотняные ткани (*les toiles peintes et imprimees*). Их разрешено продавать свободно, «по взаимному соглашению»²⁴. Это постановление, несомненно, должно быть учтено при оценке господствующих тенденций термидорианской экономической политики, но в том-то и дело, что на этот путь Комитет вступил еще в мае 1794 года. Именно тогда решено было изъять из действия закона о максимуме так называемые *etoffes de luxe* — батистовые, муслиновые, газовые, кружевные ткани. Тогда же была увеличена на 10% расценка простого холста и принят ряд мер к контролю над самим производством холста и полотна²⁵. После падения Робеспьера Комитет только продолжал и развивал намеченную ранее политическую линию. Аналогичные постановления издавались Комитетом и в более позднее время. Например, 13 фруктидора было постановлено увеличить ставку для тиковых тканей. В этих мероприятиях покровительство отдельным видам текстильной промышленности идет рука об руку с защитой потребительских интересов зажиточной буржуазии, и поэтому особенно любопытно отметить, что и в этом случае исходная точка послаблений и отступлений определилась еще в эпоху Робеспьера.

Однако наряду с этим еще поздней осенью встречаются мероприятия, конкретизирующие и разрабатывающие основные положения максимума. Так, 22 вандемьера (19 октября) Комитет таксирует орехи, сурепицу, маковое масло (*oeillette*) и все прочие виды семян, могущих быть использованным для выработки растительных масел²⁶. 9 брюмера (30 октября) пересматриваются ставки, установленные для железа и жести в департаменте *Vosges*, и вырабатывается новая таблица, в основу которой кладется, однако, старый способ исчисления. Эти постановления перемежаются с такими, в которых мы находим кой-какие отступления от закона 29 сентября 1793 года. Так, 27 вандемьера (18 октября) Комитет решает вовсе изъять из-под действия закона головные уборы «туниского фасона» — так наз. «касметки», фабрикуемые на мануфактуре братьев *Michel* в Орлеане-При этом предусмотрена та ставка, по какой будут оплачены уже сданные государству поставки касметок. Мы затрудняемся точнее определить характер данного мероприятия. Зато аналогичное изъятие, установленное для ножевого производства в *Chatellerault*, явно имеет в виду потребителя из буржуазии, потому что действие его распространено только на те высшие сорта ножей, при выделке которых употребляются слоновая кость и перламутр.

Еще в это время Комитет устраняет и корректирует прежние постановления, в чем-либо противоречащие максимуму. Так, 14 фруктидора (31 августа) Комитет формально отменяет два распоряжения департаментских властей *Deux-Sevres*, которые он находит противоречащими максимуму. В текущей переписке Комитета ссылки на максимум, на максимальные ставки совершенно обычны. Когда речь идет о выполнении всякого рода работ или об уплате за реквизируемые предметы, то во всех этих случаях, без исключения, расплата производится на основании максимальных ставок. 9 вандемьера (30 сентября) Комитет опять модифицирует ставки для люцерны и клевера²⁷. 12 вандемьера повышаются ставки оплаты частных фабрикантов за выделку ружейных стволов. 17 вандемьера устанавливаются ставки для зернового хлеба низших сортов и т.д., и т.д.

Одним словом, и в области применения закона о максимуме переворот 9 термидора не вызвал никаких немедленных изменений в установившейся административной практике. То принципиально новое, что было привнесено в рутину этой практики, восходит еще ко временам Робеспьера, Частичный отказ от прямолинейного, буквального исполнения закона имеет место в самый разгар робеспьеровского господства, в самый разгар террора. Именно тогда наметился кой-какой перелом в сторону свободной торговли, путем изъятия из-под действия максимума целого ряда дорогих тканей, точно так же, как именно тогда был принят закон 11 прериала, выгодный для зажиточной сельскохозяйственной буржуазии²⁸.

Мы получим новое подтверждение наших выводов, если обратимся к мероприятиям Комитета в области фиксации заработной платы. Мы знаем, что с самого начала максимума «рабочий труд таксировался наравне с предметами потребления»²⁹. Приведем теперь несколько примеров из после-термидоровской практики Комитета.

19 термидора повышаются ставки заработной платы для почтовых служащих, «в виду того, что они не согласованы со ставками максимума»³⁰. 28 термидора (15 августа) Комитет издает особую таблицу оплаты труда рабочих, занятых на постройке мостов, набережных и пристаней³¹. Любопытно, что при этом Комитет запрещает не только фактическое отклонение от установленных ставок. Простое требование повышения платы карается трехдневным арестом. Особым пунктом запрещаются всякого рода коалиции, вызывающие волнение в мастерских. Лица, виновные в нарушении постановления, освобождаются от наказания, если они своевременно донесут на других нарушителей. Ко всему этому все рабочие, занятые на постройках и ремонте мостов, набережных и пристаней, объявляются под реквизицией.

Это постановление Комитета очень типично для всей его линии по отношению к рабочему классу. Однако оно только воспроизводит те приемы и методы воздействия на рабочих, какие были установлены еще в робеспьеровскую эру. Мы уже знаем, что особенному давлению подвергались сельскохозяйственные рабочие. Налагая на деревню определенные обязанности по снабжению городов и армии, Комитет в то же время делал определенную ставку на богатейшую, кулацкую часть деревни. 18 фруктидора (4 сентября) Комитет объявляет под реквизицией всех до сих пор еще не реквизированных работников (*journaliers et manouvriers*)³², обычно работающих в деревне, и направляет их на сбор винограда. Заработная плата фиксируется следующим образом. За основу берется плата 1790 года, и полученная цифра увеличивается в полтора раза. Иначе говоря, самый принцип исчисления тот же, что и в законе 29 сентября 1793 года, но не надо забывать, что к осени 1794 года соотношение рыночных цен и ставок максимума изменилось в сторону, невыгодную для продавцов рабочей силы. Всякие коалиции рабочих в целях уклонения от реквизиции или повышения заработной платы караются 15-дневным заключением. Мы видим здесь новое и яркое проявление политики, покровительствующей имущим слоям деревни, политики, восходящей еще к эпохе якобинской диктатуры.

Как мы уже знаем, непосредственной заботой Комитета оставалась все это время проблема реализации урожая. Но в своем попечении об урожае Комитет принял целый ряд мероприятий, объективно выгодных для имущего крестьянства, для растущей сельскохозяйственной буржуазии. В особой прокламации Комитета, от 1 дня санкюлотид (17 сентября 1794 года), выпущенной по случаю начавшегося сбора урожая, читаем следующие строки, обращенные к сельскохозяйственным рабочим: «Конвент... рассчитывает на патриотизм рабочих, которые докажут свои чувства тем, что покинут свои работы, в том случае, если они не прикреплены к ним реквизиционным порядком, и предоставят свой труд для того, чтобы обеспечить хлебом своих братьев». Слова эти являются прекрасным образцом революционной риторики и ничуть не скрашивают тот факт, что «во имя урожая» целый класс сельскохозяйственных рабочих был закрепощен и отдан в полное распоряжение более зажиточных элементов французской деревни.

Только там, где фактически нельзя было обеспечить хозяев нужной им категорией рабочих, Комитет склонен был идти на некоторые уступки. Так, постановлением от 22 фруктидора (8 сентября 1794 года) были повышены ставки для молотильщиков. А именно, постановлено было увеличить для них ставки 1790 года не на половину, а на три четверти, и все это только потому, что, по мнению Комитета, рабочие не шли в молотильщики из-за низкой оплаты их труда³⁴. Впрочем, Комитет подчеркивает, что это его мероприятие рассчитано только на один текущий сезон. Уступка Комитета носит явно вынужденный не принципиальный характер. Несмотря на это, вопрос о молотильщиках не переставал озабочивать Комитет. Так, к нему на рассмотрение поступил специальный протокол комиссии торговли и снабжений. В этом протоколе речь шла о нехватке молотильщиков в департаменте *Seine-Inférieure*. Оказалось, что они были направлены «не по специальности», а именно на работы по обсеменению. Однако можно предположить, что, кроме всего, имело место уклонение рабочих от возложенной на них реквизиции. В результате департаментским властям предложено было организовать отряды молотильщиков и притом в самый «краткий срок, «так как промедление может привести к самым ужасным последствиям»³⁵.

Такова практика Комитета в области регулирования заработной платы. Никаких изменений в эту практику переворот 9 термидора не внес. Закрепощение сельскохозяйственных рабочих началось еще в эпоху якобинского террора, и Комитету оставалось только развить и дополнить систему мероприятий, призванных обеспечить за имущими слоями деревни дешевый и изобильный труд.

Попробуем теперь, в порядке экскурса, установить, какой эффект имела эта политика Комитета. Припомним, что Комитет установил две реквизиции общего порядка — реквизицию сельскохозяйственных рабочих и реквизицию всех земледельцев, всей крестьянской Франции. «Земледелец» должен был получить нужные ему рабочие руки, а город и армия должны были получить нужный им хлеб. Именно так ставился вопрос в официальных бумагах Комитета. На самом деле деревня осенью 1794 года, конечно, должна была испытывать сильнейший нажим. Это признавали и комиссары Конвента. «Военные реквизиции выполняются беспорядочно... земледелие страдает от этого», — пишет Дельбрель, комиссар Пиринейской армии³⁶. В практике Комитета встречаются примеры такого нажима³⁷. Кроме того, самое пагубное действие оказывал развал ассигнационного обращения, отбивавший у крестьян всякую охоту сдавать свой хлеб по ценам максимума. Урожай давно закончился, а с выполнением реквизиций обстояло очень туго. «Земледельческие работы прекращены, — писала комиссия торговли и снабжений 13 брюмера (3 ноября 1794 года), и сейчас не существует никаких препятствий к осуществлению реквизиций, кроме простой небрежности: или преступного эгоизма»³⁸. Комиссия констатирует значительное опаздывание в пополнении реквизиций и издает подробную и настойчивую инструкцию национальным агентам, призывая их «напрячь все свои силы».

Таким образом, можно априорно предположить, что имущие слои деревни, широко воспользовавшись реквизируемым трудом сельскохозяйственных рабочих, не очень склонны были в дальнейшем идти навстречу государству. Политика Комитета в отношении сельскохозяйственных рабочих только укрепила, социально-экономические позиции кулацких элементов. Об этом чрезвычайно красноречиво говорит донесение члена Конвента Genissieu, комиссара в департаментах l'Orne и la Sarthe. Департаменты эти, по отзыву Genissieu, живут привозным хлебом, своего урожая не хватает для собственного прокормления. Между тем, «весь хлеб находится в руках небольшого количества богатых собственников или фермеров, всячески утаивающих свои запасы». Обычная отговорка их та, что собранного хлеба едва может хватить на прокормление семьи и на обсеменение. При этом они ссылаются на 6 параграф постановления Комитета от 12 вандемьера. Кстати, сказать, о самом постановлении от 12 вандемьера³⁹ нам пришлось уже упоминать при обзоре реквизиционных мероприятий Комитета. Пункт шестой этого постановления, обязывавшего всех земледельцев озаботиться своевременным привлечением молотильщиков, изымал из-под действия постановления всех земледельцев, не могших рассчитывать на какие-либо хлебные излишки, сверх количества, нужного для собственного прокормления и обсеменения. Именно этот пункт постановления, по словам Genissieu, и дал зажиточным крестьянам повод уклоняться от выполнения реквизиции. «Большая их часть заявляет, что у них нет никаких излишков, сверх самого необходимого, а на самом деле запасает хлеб для того, чтобы продавать его по ценам выше максимума. Они ничего не возят на рынок и даже отказываются продать столько хлеба, сколько нужно, чтобы в течение декады прокормить их несчастных соседей. Вот что из этого получается: какая-нибудь четверть общего числа обитателей двух департаментов имеет запасы на целый год или на 8—10 месяцев и смотрит совершенно равнодушно на страдание остальных трех четвертей, обреченных на муки голода и тщетно, ожидающих помощь из более производительных департаментов... Народ жестоко страдает»⁴⁰. Представители местных властей сами принадлежат к числу богатых собственников и не склонны давать примеров исполнения действующих законов. «Во имя гуманности и принципов равенства» комиссар Genissieu настаивает на принятии срочных мер. По его мнению, нужно пересмотреть пункт 6 постановления от 12 вандемьера, и во всяком случае отсрочить его выполнение, так как положение жителей департамента de l'Orne, по его мнению, ничуть не лучше того положения, в каком находился год тому назад Париж.

Мы остановились так подробно на донесении Genissieu потому, что оно проливает необычайно яркий свет на экономический быт французской деревни осенью 1794 года. Конечно, мы не знаем, до какой степени можно обобщить впечатление Genissieu. Он сам подчеркивает, что вверенные ему департаменты находятся в несколько особом положении, они не принадлежат к числу департаментов, *вывозящих* хлеб. Однако можно предположить, что там, где сельскохозяйственная буржуазия располагала большими резервами хлеба, там, где товарность сельского хозяйства была более развита, чем в департаментах Orne и Sarthe, там и социальная дифференциация должна была быть более глубокой и острой. Правда, может быть, середняцкие и бедняцкие слои деревни и были застрахованы от голодовки, но зато тем интенсивнее должно было идти обогащение имущей верхушки деревни.

Одним словом, мы имеем возможность установить, что и в этой области переворот 9 термидора сам по себе не создал никакого резкого разрыва в деятельности Комитета. Декрет 11 прериала послужил отправной точкой целого ряда мероприятий, усиливших в конечном счете сельскохозяйственную буржуазию. Основные тенденции в политике Комитета всецело восходят ко временам господства Робеспьера.

VI

Наряду с рассмотренными нами вопросами экономической политики Комитета остается еще одна большая область, не попавшая в наш обзор. Мы подразумеваем область военного хозяйства. Военное снабжение, продовольствование армий, фураж, производство военного снаряжения — все эти вопросы постоянно рассматривались Комитетом. Мы не видим, однако, и тут никаких отступлений от практики, установление которой восходит еще к 1793 году. Этот общий фон военно-организационных мероприятий, вне которых трудно понять целый ряд существеннейших моментов экономической политики французской революции, в то же время сам по себе не сообщает еще определенной социальной окраски отдельным ее периодам. Существеннее будет отметить некоторые моменты из политики Комитета в области покровительства промышленности, в особенности там, где протекционизм Комитета перерастает рамки собственно военной промышленности. Примеры такого протекционизма дает постановление Комитета от 28 термидора (15 августа), которым предписывается национальному казначейству выдать некоему гражданину Mical, ведущему торговлю табаком и шоколадом, субсидию в сорок тысяч ливров «для того, чтобы он был в состоянии продолжать свою торговую деятельность»⁴¹. Такое же покровительство было оказано гражданам Le Maire и братьям Auzieres, получившим «аванс» в шестьдесят тысяч ливров для устройства часового дела в департаментах Doubs и Jura. Можно насчитать и еще несколько подобных примеров.

Сами по себе эти разрозненные и довольно случайные мероприятия Комитета могут заинтересовать нас лишь постольку, поскольку в них угадывается переход к определенной системе покровительства по отношению к промышленности и торговле. Мы еще увидим, что именно осенью 1794 года поставлен был вопрос о возрождении торгово-промышленной жизни, и что постановка этого вопроса означала начало определеннейшего сдвига в экономической политике революции. На фоне строгой, административно-политической традиции, совершенно не затронутой событием 9 термидора, всплывают какие-то новые веяния, подготовленные зреющей консолидацией буржуазной реакции. Эти веяния очень ярко запечатлены в постановлении Комитета от 14 вандемьера (5 октября) 1794 года. Во введении к постановлению Комитет констатирует, «что наступило время поднять торговлю республики, расширить все отрасли национальной промышленности, усилить внешние и внутренние торговые сношения, обеспечить ввоз и вывоз, заставить процветать мануфактуры и средства обмена»⁴². Для того, чтобы достигнуть реализации этой программы, Комитет решает окружить комиссию торговли и снабжений «блеском всех знаний и талантов, способных доставить ей точные сведения как о самой республике, так и о торговле иностранных держав».

Очень характерен социальный облик носителей «знаний и талантов», призванных образовать род совещательной коллегии при комиссии торговли. В Совет комиссии призвано было всего 10 человек. Из них 2 купца (negociant), 4 фабриканта (один из них, некий Dupre из Carcasonne, определен точнее как фабрикант сукон), 1 банкир, 2 земледельца (agriculteur) и 1 чиновник⁴³. Преобладание в Совете обеспечивалось, как видно, за торгово-промышленной буржуазией, и в этой апелляции к капиталу были, несомненно, моменты некоторого сдвига в социальной психике правящего слоя. Поэтому нам и будет удобнее обратиться теперь к рассмотрению того, как понимались задачи экономической политики в среде победившей 9 термидора коалиции. Не претендуя на полноту изложения, приведем несколько, наиболее характерных, наиболее типических, на наш взгляд, суждений.

VII

Вопрос о системе максимума был впервые, после переворота 9 термидора, поставлен перед Конвентом 11 фруктидора (28 августа) в докладе, сделанном от имени комитетов земледелия, законодательства и общественного спасения депутатом Eschasseriaux. Речь шла о пересмотре закона 11 сентября 1793 года и о согласовании его с декретом Конвента от 8 мессидора II года Республики. Декрет этот, изданный перед началом «урожайной кампании», содержал постановление общего порядка о реквизиции хлебных излишков для нужд республики и ее армии⁴⁴, при чем в нем заключался решительный отказ от той системы репрессивных мероприятий, которая была установлена в законе 11 сентября. Закон этот, предписывая всем земледельцам «сделать заявку о количестве и качестве собранного ими зерна и указать отдельно то зерно, которое осталось у них от предыдущих урожаев»⁴⁵, предусматривал в то же время производство обысков «на дому у граждан, не сделавших заявки», и конфискацию утаенной муки и зерна у лиц, «не сделавших заявки в недельный срок или подавших неверные сведения». Закон прямо вменял в обязанность муниципальных властей производство домашних обысков для проверки заявок. Урожай 1793 года и был собран, в значительной степени, благодаря жесткой репрессивной политике по отношению к крестьянству, располагавшему хлебными излишками. Об этом свидетельствует такой тонкий и наблюдательный человек, как известный

контрреволюционный публицист Mallet du Pan. «Администраторы, выполнявшие распоряжение Комитета о реквизиции зерна и муки, — пишет Mallet du Pan, — обнаружили в большинстве случаев крупный дефицит по сравнению с тем количеством хлеба, какое нужно было для обеспечения годового потребления. Зная, что дефицит этот является результатом злоупотреблений и упущений, и что существуют утаенные запасы, комитет распорядился произвести вторичный учет урожая (recensement) через посредство революционных агентов, и тогда дефицит исчез...»⁴⁶.

Так обстояло дело в 1793 году. В мессидоре 1794 года, еще в эпоху Робеспьера, в связи с общим поворотом направо, примеры которого нам уже пришлось приводить в нашем очерке, решено было отказаться от прежней репрессивной политики. Этот отказ мотивировался общим политическим успокоением внутри Республики. «Вы должны теперь, — говорил депутат Eschasseriaux, — смотреть более спокойными глазами на деревню, принесшую столько жертв и давшую столько свидетельств наполняющих ее чувств»⁴⁷. По декрету 8 мессидора учет предстоящего урожая должен был быть произведен на основании заявлений, поданных всеми земледельцами и землевладельцами. Заявления эти должны были быть прочтены в особом собрании граждан, созываемом после окончания учета. Проверка заявлений имеет место только в том случае, если то или иное заявление окажется подозрительным, и производится особо на то уполномоченными членами генерального совета коммуны.

Об обысках в декрете 8-го мессидора нет и помину. И это ослабление аппарата революционного воздействия на имущее крестьянство лучше всего подчеркивает социальные сдвиги якобинской диктатуры весной и летом 1794 года. Поэтому-то было бы глубоко ошибочным искать какой-либо отзвук 9-го термидора в тех заявлениях, какие сделал Eschasseriaux в заседании 8-го фруктидора II года Республики. Он критиковал закон 11 сентября, исходя из основных положений декрета 8-го мессидора, установившего, по его отзыву, «более мягкие, более справедливые формы учета». Высказавшись против репрессивных мероприятий, предусмотренных законом 11 сентября, Eschasseriaux счел нужным подчеркнуть, что в некоторых пунктах комитет всецело остается на почве, созданной» этим законом. В частности, по мнению Eschasseriaux, таким неприкосновенным пунктом является максимум. «В законе 11 сентября, — сказал Eschasseriaux, — содержится постановление принципиального характера, возникшее под давлением определенных обстоятельств и в котором революция до сих пор не перестает нуждаться. Это максимум. Мы решили не касаться максимума, потому что он фиксирует в законе, установленном самой революцией, уровень народных потребностей и стоимость главного из всех продуктов питания. По соображениям справедливости и политики Конвент должен сохранить те максимальные цены, какие были установлены в законе 11 сентября... Но, граждане, определяя соотношение между трудом и продовольствием, охватывая единой справедливостью и земледельца-производителя и потребителя, мы должны всегда следить за тем, чтобы закон не игнорировал промышленность (l'industrie), оплодотворяющую и обогащающую нашу родину»⁴⁸. Точно так же Eschasseriaux отстаивает неизбежность и пользу реквизиций, «организованных в умело направляемую и регулируемую систему». В частности он высказывается за создание широко разветвленной, сети государственных окладов зерна и муки, ссылаясь при этом на пример древнего Рима. Он также защищает запрещение каких-нибудь торговых сделок с хлебом за пределами рынков, мотивируя это запрещение опасностью спекулятивных сделок и развития подпольной торговли, не входя в дальнейшие подробности, отметим только, что в конце августа травящая группировка была далека от мысли о возможности немедленной отмены максимума. Со всем наоборот. В заседании 21 фруктидора (7 сентября) выступил председатель комитета торговли и снабжений Villers с проектом декрета о продлении действия закона 29 сентября 1793 года. Соответствующий проект был утвержден комитетом еще в заседании 19 фруктидора⁴⁹. Villers дал краткую мотивировку проекта. Он напомнил собранию, что истинной причиной максимума была «необходимость наложить узду на алчность» (cupidile mercantile). Максимум, по мнению Villers а «внес отчаяние в сердца заговорщиков и успокоил народ»⁵⁰. В виду того, что срок действия закона 29 сентября истек в сентябре 1794 года, Villers предложил Конвенту продлить его еще на один год. Дальше Villers сказал буквально следующее:

«Ваш комитет очень хотел бы иметь возможность предложить вам полную отмену максимума, но предоставлять слишком большую свободу торговле — это значит обнадежить спекулянтов; не наступил еще счастливый момент доверить частной предприимчивости благосостояние республики, для этого нужен мир внутренний и внешний... Однако, если максимум необходим для обеспечения народного продовольствия, то опытом целого года доказано, что его легко можно усовершенствовать. Комитет ждет необходимой информация, чтобы затем предложить вам меры, способные, смягчив его применение и, восстановив нужное соотношение между купцом и потребителем, привести к общему благоденствию»⁵¹.

Конвент без прений продлил действие закона 29 сентября 1793 года еще на один год, т.е. до 1 вандемьера IV года. Доклад Villers`а не вызвал никаких возражений, никаких замечаний. А между тем уже намечалась постановка тех общих вопросов экономической политики, какие с неизбежностью подготавливали принципиальный пересмотр проводившейся до сих пор системы.

28-го фруктидора (14 сентября) правый термидорианец Edme Petit внес в Конвент проект, запрещавший употребление в самом Конвенте и по всей Республике каких-либо партийных кличек. Пункт 5-ый его проекта несколько неожиданно вменял в обязанность комитетов земледелия, торговли и финансов представить проект мероприятий, способных вернуть свободу торговле и уменьшить цены на предметы первой необходимости. Обсуждение проекта Petit вызвало ряд характерных заявлений представителей термидорианской коалиции. Cambon нашёл, что пришла пора подумать о внутреннем положении Республики, о торговле и продовольствии. Bourdon (de l'Oise) предпочёл говорить намеками. «Наши братья американцы, — говорил он, — обошлись без реквизиций, без максимума». Впрочем, он тут же заявил, что самые ошибки, допущенные в этой области, следует благословлять, потому что они спасли Республику. «Раны, нанесенные нами земледелию, излечимы,»⁵² — добавил Bourdon.

Из предложения Petit прошел в результате один только пятый его пункт. «Клянемся, — воскликнул Bourdon, — заняться этими большими вопросами. Этим путем мы возродим Республику, этим путем мы восстановим единодушие в наших рядах!»

После Bourdon а слово взял Cambon. Cambon — левый термидорианец, руководитель всей финансовой политики Революции, примкнул к высказавшимся до него ораторам. «Граждане, — заявил он, — долгое время заговорщики стремились к унижению торговли, так что в народных обществах звание негоцианта, ремесленника (artisan), купца было достаточным основанием для занесения в проскрипционные списки; настало, наконец, время вернуть этой отрасли национальной промышленности то уважение и поддержку, какие сна в праве ожидать от справедливого правительства. Я прелагаю вам громко провозгласить, что согласно великим принципам справедливости, составляющим существо республиканского режима, вы окажете покровительство торговле и собственности»⁵³. Таково in extenso заявление Cambon`а. Из цитаты нашей видно, насколько не точен биограф Cambon`а Bornarel, утверждающий, что в заседании 28-го фруктидора Cambon воспользовался стачаем, чтобы потребовать отмены максимума⁵⁴. Bornarel явно не уловил смысла выступления Cambon`а. Этот последний, как и другие представители термидорианской левой, просто затруднялся указать программу каких-либо конкретных мероприятий и потому ограничился рассуждениями общего порядка. Настоящий поворот наметился у Cambon`а несколько позже. Правда, Cambon мог решительно защищать, как он это сделал в заседании 27 фруктидора, покупателей национальных имуществ и резко высказываться против всякого проекта раздачи их бедным, однако отсюда до требования отмены максимума было еще достаточно далеко⁵⁵. Пожалуй, более решительно выел пал все в том же заседании 28-го фруктидора один из представителей болота Camboulas. Он подчеркнул, что «девизом торговли во все времена звались свобода, безопасность и покровительство». По его мнению, самое действительное средство к оживлению промышленности состоит в предоставлении всем земледельцам и купцам гарантии против произвольных арестов. «Если вы хотите заметного подъема в торговле, то освободите ее из-под того угнетения, под которым она сейчас находится»⁵⁶. В ответ на это выступил Merlin (de Thionville), указывавший на то, что требуемые гарантии уже даны, и сославшийся при этом на декрет 18-го мессидора (19 июля), предоставивший свободу арестованным земледельцам⁵⁷. В том же духе говорил Thuriot, нашедший, что гарантии торговле даны в законе и общественном спокойствии. Он оптимистически заверял собрание, что Комитет Общественного Спасения предвосхитил его пожелания и «блюдет интересы торговли».

На этом и закончилась дискуссия 28-го фруктидора. Очень характерна, 41 наш взгляд, ссылка Merlin`а на закон 18-го мессидора, подчеркивающая преемственность основных линий экономической политики. Ведь закон го мессидора принят был почти за три недели до падения Робеспьера! Но интересно отметить, что начало усиленных забот о торговле также восходит ко временам якобинского режима. Мы уже отмечали проявившееся в законе 18-го мессидора ослабление аппарата революционного воздействия, но еще раньше, 12-го жерминаля (11 апреля), был упразднен институт комиссаров по надзору за перекупками (commissaire aux assaragements) и смягчен самый закон против скупщиков от 26 июля 1793 года, — так например, обязательная заявка о количестве имеющихся товаров была сохранена только для оптовиков, были смягчены наказания за перекуп. По определению A.Mathiez`а, «Комитет стремится внушить доверие торговцам... В порядке дня стоит покровительство торговле». Далее, по словам Mathiez`а, комиссия снабжений поощряет вывоз предметов роскоши, приобщает к своим операциям профессиональных торговцев, гарантирует их от доносов, доверяет им заграничные поручения, стремится укрепить вексельные переводы, чтобы уплатить расходы, сделанные от ее имени⁵⁸. Все эти факты имеют место еще ранней весной 1794 года. 26-го жерминаля (15 апреля), через десять дней после казни дантонистов, Сен-Жюст произносит речь от имени правительственных комитетов, в которой «красной нитью проходит мысль о необходимости удовлетворения буржуазии»⁵⁹. «Нужно обеспечить все права, гарантировать все приобретения (подразумеваются — приобретения

национальных имуществ)» — утверждает Сен-Жюст⁶⁰. У Сен-Жюста намечено также излюбленное термидорианцами противопоставление спекулянтов — виновников ажиотажа — честным купцам. «Купцы, — говорит Сен-Жюст, — перестали запасаться необходимым, они даже боятся делать это, потому что торговля погружена в частые перемены, делающие ее непрочной и угрожающие их благосостоянию»⁶¹. Принятый по его докладу декрет об общей полиции Республики включил статью 24, гласившую: «Комитет Общественного Спасения будет поддерживать, посредством ссуд и премий, работу фабрик и мануфактур, разработку копей, осушение болот; он будет покровительствовать промышленности и поддерживать взаимное доверие между торговцами; он будет давать авансы купцам-патриотам, доставляющим продукты по максимальным ценам. Он гарантирует парижским купцам-импортерам неприкосновенность ввозимых ими товаров; он будет защищать свободу передвижения грузов внутри страны и не допустит никаких нарушений общественного доверия»⁶².

Все это свидетельствует о том, что и в этой области термидорианцы, на первых порах, только продолжали политику социального сдвига весны 1794 года. Мы не имеем возможности останавливаться подробнее на этом моменте. Нам важно только зафиксировать тесную преемственность в экономической политике двух этапов революции, разделенных переворотом 9-го термидора. Думается, однако, что приведенные сопоставления могут быть небесполезны для понимания движущих сил самого термидоровского переворота.

Между тем, дискуссия, завязавшаяся 28-го фруктидора, имела свое продолжение.

30 фруктидора (16 сентября) на трибуну конвента поднялся депутат Blutel и от имени комитета торговли и снабжений⁶³ сделал обширный доклад, посвященный «общим размышлениям о торговле». Впервые в этом докладе проводилась мысль о том, что политика «свергнутых тиранов» могла иметь непосредственный экономический эффект. Blutel даже прямо заявил, что «слишком долго голос комитета торговли заглушатся гибельными махинациями тиранов»⁶⁴. Дальше он коснулся «неосуществимой химеры о равенстве имуществ» и перешел к обоснованию той мысли, что «одна торговля может удовлетворить потребностям родины». «Подыдем торговлю, подыдем промышленность — восклицал Blutel. «Конечно, — признался он, — в торговлю вкрались кой-какие злоупотребления, низкие спекулянты спекулировали на народном бедствии», но «не будем больше смешивать честного коммерсанта с жадным перекупщиком. Пусть первый будет поощрен, в то время как второго пусть поразит национальное правосудие».

Нас, впрочем, должны заинтересовать не эти общие места в докладе Blutel'я, а проект декрета, внесенный им в Конвент от имени комиссии. Проект этот предусматривал разрешение ввоза во Францию промышленного сырья, необходимого для работы французских промышленных предприятий. По проекту импортируемое сырье освобождалось от реквизиций и от права преимущественной покупки со стороны правительственных органов. Общеизвестным представляется тот факт, что отсутствие сырья, в особенности сырья, доставлявшегося обычно из-за границы, было одним из главных факторов промышленного кризиса, переживавшегося Францией в 1794 году «Максимальная таксация, — пишет Е.В.Тарле, — нанесла тяжкий удар всей обрабатывающей промышленности, вследствие естественно ускорившегося оскудения рынков сырья»⁶⁵. Проект Blutel'я носил, конечно, компромиссный характер. Строго говоря, он вообще не затрогивал вопроса о максимуме, а тожду тем кризис сырья был вызван именно тем обстоятельством, что «покупать за границей по рыночной цене и продавать во Франции по фиктивной «максимальной» не было никакой возможности»⁶⁶. Тем не менее, даже в таком виде, проект Blutel'я прошел не сразу. Член Конвента Thuriot указал на то, что среди сырья (*matieres premieres*), о котором говорится в проекте, находятся такие предметы, как железо, пенька и многие другие, необходимые государству, и что сосредоточение их в руках «частников» было бы делом опасным и нежелательным. После этого обсуждение проекта было отсрочено до 26 вандемьера (17 октября). В этот день проект был представлен вторично, при чем докладчик Girof, секретарь комитета торговли и снабжений, указал на то, что за время, протекшее со дня первого рассмотрения декрета, «мотивы, его обуславливавшие, еще усилились, число петиций, направляемых в комитет, еще увеличилось, и в полной мере выявилась необходимость в срочном порядке придти на помощь бездействующим отраслям промышленности»⁶⁷. После этих заявлений Girof декрет был принят без всяких дальнейших возражений.

Вернемся, однако, к дискуссии, начатой в Конвенте 28-го фруктидора. В заседании 2-й санкулотиды (18 сентября) с пространнейшей речью выступил один из представителей болота Isore. Основное его положение свелось к следующему: «свобода торговли бесспорна, но эта свобода должна защищать наиболее честных купцов, следующих максимуму, правилам торговли и своей совести». Но самый максимум Isore принимает лишь наполовину. Максимум подрывает доходность предприятия, поскольку он, при фиксации цен на фабрикаты, не может учесть стоимости сырья. От максимума часто выигрывает «нечистая совесть». Ажиотаж, оставив

денежные операции, направляется на предметы первой необходимости. Точно так же и реквизиции допустимы лишь тогда, когда, благодаря им, доставляются предметы, которые нельзя найти, по максимальным ценам, в обычно м торговом обороте. Особенно разорительны реквизиции для нужд армии.

Критика максимума у Isore показывает, что он выступает защитником интересов промышленной буржуазии. В конце концов, максимум принес «кой какие облегчения», но он «подорвал рвение фабрикантов», постольку зачастую издержки производства, цены на сырье и заработная плата не покрываются ценой фабриканта, фиксированной согласно закона. По мнению Isore, землевладелец, ремесленник и рабочий ничего не могут проиграть в результате максимума. Зато должны жестоко пострадать все люди, живущие на ренту. Корень всего зла Isore находит в дороговизне сырья, совершенно не учтенной ставками максимума. Однако, несмотря на это, Isore далек от того, чтобы предлагать полную отмену максимума. Максимальные цены на съестные припасы должны быть сохранены. «Максимум на зерно и муку должен быть сохранен впредь до заключения мира. Точно так же должна быть урегулирована оплата труда на общественных работах, нужных Республике». Максимум на хлеб вполне соответствует максимуму на общественные работы — оба носят действительно революционный характер, оба выполняются во имя общего блага⁶⁸. Но этим и исчерпывается сфера применения максимума. Isore выступает против таксации заработной платы. Цель максимума «не может заключаться в том, чтобы изнурять рабочего, работающего по найму. Не может одна часть граждан подчинить максимуму другую часть, работающую на нее, поле должно быть свободно и труд должен принадлежать всем. Перед рабочим должна стоять всегда только одна преграда — это любовь к родине... никто не имеет права фиксировать его труд... но он будет виновен, если использует время, предназначенное труду, для того, чтобы убеждать своих сограждан добиваться его ставки»⁶⁹. В заключение своей речи Isore предложил проект декрета, подтверждавший таксацию цен на зерно, муку и фураж и упразднявший все остальные виды максимума.

Проф. Е.В.Тарле отмечает, что мнение Isore «из всех высказывавшихся в 1793—1794 г.г. единственное, в котором рекомендуется не таксировать заработной платы»⁷⁰. Тем не менее, по существу дела, Isore меньше всего думает об интересах рабочего класса. Сохранение максимальных цен на хлеб должно, по его мнению, поставить решительный предел возрастанию номинальной заработной платы рабочих. Isore и в голову не приходит, что рабочему может понадобиться что-нибудь, кроме хлеба. Между тем, интересы промышленной буржуазии защищены у него полностью, при явном игнорировании интересов крестьянства и имущих слоев деревни и три недостаточном учете интересов буржуазии торговой. (Isore даже не желает говорить о морской и внешней торговле). Впрочем, никакого обсуждения его доклада не последовало, и тем самым рассмотрение проекта было отложено.

Между тем экономические вопросы всем ходом событий ставились в порядок дня Конвента. На следующий день после Isore экономическими вопросами занялся правый термидорианец Dubois-Crance. Сделал он это, по собственным его словам, во исполнение постановления от 28-го фруктидора. Впрочем, дальше рассуждений самого общего порядка он не пошел. «Говорить ли мне о Нанте, о Бордо, о Ниме, о Монпелье, о Марсели, о Руане, о Дориане, о Париже? — декламировал Dubois-Crance. — Повсюду торговля уничтожена, потому что всякий, принимавший участие в обмене хозяйственных благ, рассматривался, как подозрительный или как перекупщик... преследовали не только аристократов, преследовали всех богатых, всех тех, чья фортуна приводит в действие таланты и промышленность народа. Их грабили и умерщвляли под именем аристократов»⁷¹. Никаких практических предложений по части экономической он, однако, не внес.

В то время, как в Конвенте стали подыматься единичные голоса, открыто отстаивавшие интересы торговли и промышленного капитала, сам Комитет остерегался выступать с какими-либо предложениями новаторского характера. Характерен для тогдашних настроений Комитета доклад Robert Lindet, сделанный им в заседании 4-й санкюлотиды (20 сентября 1794 года). Доклад посвящен общему положению Республики, но в нем содержится краткая характеристика состояния отдельных отраслей народного хозяйства. «Торговля Франции, — докладывал Lindet, — представляет сегодня зрелище обломков и руин: имел место настоящий заговор против торговли, и Робеспьер стремился уничтожить ее в конце. Дух разрушения пронесся над Францией и поразил в одно и то же время земледелие и торговлю; он разрушил шелковые мануфактуры и положил конец культуре тутового дерева, составлявшей главную опору южных департаментов. Он экспортировал за границу наши масла, чтобы подорвать отечественное мыловарение»⁷². Сравнительно благополучно обстоит дело с земледелием. Оно «еде гало большие успехи, невероятные усилия, но и оно нуждается в помощи». Дальше следует краткий очерк положения дел в отдельных торгово-промышленных центрах. Торговые города, вроде Лиона (Commune—Affranchie), Марсели, Бордо, Нанта разорены. Суконное производство Седана пало. Но как

преодолеть экономический кризис? Никаких конкретных указаний на этот счет Lindet, в сущности, не дает, тем более далек он от мысли о ревизии максимума. Пожалуй, единственным конкретным пожеланием Lindet остается всяческое поощрение национального экспорта. Кроме того, он подчеркивает необходимость политически-правовых гарантий, в которых могла бы развиваться торговая и промышленная деятельность⁷³.

Не только Комитет, но и отдельные представители термидорианцев, выступавшие в Конвенте, избегали еще прямо ставить вопрос о максимуме. Так, 5-го вандемьера (29 сентября) большую речь в Конвенте держал Legendre. О н также подробно обрисовал экономическое положение Франции. Констатируя, что «торговля больше не существует — в результате злоупотребления реквизициями и открытой войны, объявлен ной фабрикантам и купцам, считавшимся врагами Республики»⁷⁴, Legendre, в противоположность Lindet, смотрит пессимистически и на положение земледелия, которое он считает «парализованным» и в частности на осенний урожай. Никаких попыток пересмотра максимума Legendre не дает, хотя он попутно резко критикует систему реквизиций.

4-го вандемьера (25 сентября) Конвенту пришлось заслушать еще одно предложение касательно оживления торговли, принадлежавшее депутату Bonguoyod⁷⁵. Bonguoyod предложил проект декрета в 16 статьях. Меры, выдвинутые им для возрождения торговли и промышленности, чрезвычайно примитивны. Так, он проектировал учредить праздник в честь промышленности и выставить промышленные орудия в храме законов. Обращая внимание на сырьевой кризис, Bonguoyod предлагал предоставить в распоряжение комиссии торговли особый фонд для закупки сырья и технического оборудования, нужных для производства сукон. Сырье должно было приобретаться предпринимателями по ценам максимума. Ничего принципиально нового Bonguoyod в дискуссию не внес.

Между тем комитеты решили создать совещательную коллегию при комиссии торговли. Об этом мероприятии нам уже пришлось говорить в пар-вой части нашего очерка. Постановление комитетов было доложено 9-го вандемьера (30 сентября) Конвенту. Любопытно, что докладчик, все тот же Eschasseriaux, счел нужным подчеркнуть классовый смысл предложенного мероприятия. «Вы внушили, — говорил Eschasseriaux, — доверие иностранным купцам, вы внесете это доверие в сердца всех тех, кто здесь, в самой Франции, занят торговой или промышленной деятельностью»⁷⁶. Мы уже говорим, что «собрание талантов», окружившее комиссию, состояло сплошь из представителей торгово-промышленной буржуазии.

Помимо дискуссии общего характера, Конвент в сентябре месяце принял целый ряд постановлений, в которых так или иначе сказывались новые тенденции его экономической политики. Особо следует упомянуть о мерах, принятых к восстановлению Лиона, сопровождавшемся частичным возмещением и восстановлением конфискованной собственности. Тем не менее, и тут мы не обнаруживаем никакой решимости, никакого вполне созревшего решения. Наоборот, еще в самом начале ноября последовали обсуждение и принятие двух постановлений, заново фиксирующих и максимум и реквизиции. Проект, касавшийся реквизиций, был внесен в Конвент 4-го брюмера (25 октября). В докладе, зачитанном Eschasseriaux при внесении проекта, подчеркивался временный характер реквизиционной системы, обусловленный обстоятельствами военного времени. «Правительство оказалось вынужденным создать оружие для того, чтобы снабжать нацию, находящуюся в состоянии революции и войны с внешним врагом»⁷⁷. Земледелец, фабрикант, собственник — все одинаково подпали действию реквизиций, но Eschasseriaux остерегается предложить Конвенту полную отмену реквизиционной системы. Он подчеркивает, что реквизиции сами по себе неизбежны, можно только улучшить их организацию. Сообразно с этим и предложенный проект уничтожал «неограниченные реквизиции», подчеркивая в то же время самый принцип, согласно которому любой предмет мог быть об явлен под реквизицией. Право реквизиции, согласно проекту, предоставлялось только комиссии снабжений. Между внесением проекта и окончательным его утверждением прошло почти 3 недели, так что под конец он был утвержден в один день с проектом новых ставок максимума на зерно, хлеб и фураж⁷⁸. Этот последний был внесен на рассмотрение Конвента 14-го брюмера (14 ноября). Докладчиком выступил Lindet. «Ваши комитеты — начал он — колебались между преимуществами и неудобствами максимума. Они изучали вопрос о возможности установления единообразного максимума для всей Франции»⁷⁹. Констатируя неравномерное плодородие французской почвы, Lindet последовательно приходит к отрицанию единого максимума. «Установив единый максимум, вы не достигли вашей цели. Вы хотели поощрять земледельца, давая ему возможность возместить свои расходы, повысив цены на хлеб: на самом деле результат был совершенно противоположный». Затем Lindet признает, что в комитетах поднимался вопрос о целесообразности дальнейшего сохранения максимума. Но «когда были подсчитаны текущие потребности данного года, когда вскрылись махинации ажиотажа, спекулянтов и может быть даже аристократов», тогда вопрос решился сам собой. «Отмена максимума означала бы невозможность

какого бы то ни было урегулирования цен, какого бы то ни было обуздания жадности; она принесла бы недовольство народа, которое ничем нельзя бы было рассеять... Все эти соображения заставили ваши комитеты предложить вам сохранить закон о максимуме, фиксируя цены на более справедливой основе». В основу новой расценки зерна, муки и фуража Lindet предложил положить цены 1790 года, увеличив их наполовину. Таким образом, к хлебу применялся тот принцип исчисления максимальных цен, который еще декретом 29 сентября 1793 года распространен был на все предметы первой необходимости и на заработную плату.

Lindet сразу же зачитал проект декрета. Но тут выступил Tallien и потребовал отсрочки обсуждения. В его речи чувствуется приближение распада проблемы регулирования цен, имея в виду интересы земледельца, равно как и интересы потребителя. «Мне говорят, — заявил Tallien — что нельзя отсрочить голод, я же думаю, что нельзя отсрочивать ни одну из насущных потребностей народа, и *если максимум только увеличивает затруднения, то его надо отбросить* (курсив наш). Я требую отсрочки для изучения этого вопроса»⁸⁰.

Выступление Tallien`а было первым ударом, нанесенным максимуму. Его поддержал депутат Beffroy, а за ним выступил сам Cambon. Выступление его очень характерно. Правда, и тут Bornarel явно предвосхищает события, полагая, что «Cambon с большой энергией потребовал упразднения Комиссии снабжений и максимума»⁸¹. Эта интерпретация речи Cambon`а по меньшей мере произвольна. Вот что на самом деле говорил Cambon: «Открывая дискуссию по проекту Lindet, следовало бы поговорить и о самом максимуме. Когда правительство имеет что продать, оно совершает продажу по ценам максимума, и тогда другие лица при перепродаже наживают огромные проценты. Так, например, какао, захваченное в качестве приза на вражеских судах, продается в морских портах по 18 су за ливр и перепродается затем в Париже то 18 франков. Мы продаем по справедливым ценам и покупаем втридорога... Максимум не соблюдается, и правительство платит все издержки?» Далее Cambon указывает на развращенность чиновников и продолжает свою речь в таких словах: «Настало время изучить потребности Республики и причины вздорожания съестных припасов, нужно посмотреть на это дело серьезно, и если тут и придется принести кой-какие жертвы, никто от них, конечно, не откажется... Невозможно, чтобы и впредь государство оставалось торговцем (*il est impossible quo le gouvernement soit commercant*). В свое время мы были очень счастливы, имея возможность принять какое-нибудь дезорганизаторское мероприятие. Эти мероприятия не были рождены в недрах Конвента; они вызваны были петициями. В то время не уставали повторять, что собственность есть не что иное, как право пользования, что Республика может обойтись без иностранцев, являющихся сплошь аристократами и тиранами»⁸². В заключение Cambon потребовал прекращения борьбы между правительственным учреждением, (он подразумевал Комиссию снабжений) и интересами частных лиц. Как бы ни фантазировал на этот счет Bornarel, Cambon с его необычайно подчеркнутым требованием уважения к собственности (он говорил в том же заседании: «чем более вы будете уважать собственников, тем больше будет у вас покупателей национальных имуществ»)»⁸³ был все же далек от четкой ТаШеп овской постановки вопроса. Cambon в своей речи, что называется, ходит вокруг да около, в то время как Tallien берет быка за рога и требует упразднения максимума. Нам кажется, что в данном случае сказалось начавшееся к тому времени охлаждение между левыми и правыми термидорианцами. Быстрый темп перерождения термидорианской правой делал ее лидеров естественными застрельщиками (всяких контрреволюционных мероприятий). Однако не следует переоценивать возможное их расхождение в вопросах экономической политики. По крайней мере, Cambon во многом был ближе Tallien`у, чем Lindet.

Вернемся теперь к нашей дискуссии. Победа на этот раз осталась за Lindet. 17 брюмера проект декрета вернулся в Конвент, очевидно, после новой проработки в Комитете Общественного Опасения. Крупнейшей уступкой крестьянству, предусмотренной в проекте, было то, что цены 1790 года увеличивались наполовину, а не на 1/3, как это имело место, согласно закону 29 сентября 1793 года, по отношению ко всем предметам первой необходимости. Конвент внес некоторые изменения в проект Lindet, еще более подчеркнувшие смысл сделанных уступок. В заседании 17 брюмера Real предложил увеличить цену на хлеб, по сравнению с ценами 1790 года, в 2 раза для сорока южных департаментов и в 1,5 раза — для сорока пяти северных департаментов⁸⁴. Roux выступил против установления двух различных ставок. Конвент принял предложение депутата Dartigouy`а и постановил увеличить цены 1790 года на 2/3. В таком виде декрет и был принят 19 брюмера (9 ноября) с тем дополнением, что цена за квинтал пшеницы по новой расценке не должна была быть меньше 16 ливров. Вводная часть декрета 19 брюмера включила, между прочим, и несколько положений общего характера. Одно из них гласило: «Обстоятельства не позволяют отменить максимум. Неограниченная свобода хлебной торговли приведет к повышению цен, вызовет всеобщие нарекания, поставит под угрозу существование 2/3 всего населения и станет постоянным источником беспорядков»⁸⁵.

Месяц ноябрь стал, как известно, поворотным пунктом в истории термидорианской реакции. Закрытие якобинского клуба — 12 ноября (22 вандемьера) и возвращение жирондистов — 8 декабря (18 фримера) знаменовали начало новой политической эры. Процесс социального перерождения термидорианцев близился к концу. Мелкобуржуазные лидеры, атаковавшие 9 термидора робеспьеристскую фракцию, становились знаменосцами крупной буржуазии. Изменившееся соотношение общественных классов должно было в декабре 1794 года привести к резкому разрыву со всей экономической системой якобинской диктатуры. Но если рассматривать первые 4 месяца реакции, как единое целое, если признавать за этим периодом значение самодовлеющего этапа, имеющего свои очень характерные, очень специфические, ему одному присущие черты, — то какое же впечатление должно составить у нас об экономической политике четырех осенних месяцев 1794 года?

Прежде всего, нам удалось установить строгую преемственность между деятельностью термидорианцев и политикой последнего периода якобинской диктатуры. Исходные пункты целого ряда «реакционных» мероприятий нужно отодвинуть далеко за пределы грани, образуемой переворотом 9 термидора, ближе к весне 1794 года. Процесс социального перерождения и начало социальных сдвигов, в значительной степени, восходят ко временам диктатуры «неподкупного». Под внешней оболочкой господства Робеспьера зарождаются и вызревают тенденции, получающие полное свое развитие только к самому концу 1794 года.

Затем, наш период, отмеченный в политике состоянием неустойчивого равновесия борющихся сил, отличается необычайной осторожностью и половинчатостью в постановке основных вопросов экономической политики. Ослабляя пружины революционного правительства, идя на крупнейшие уступки сельскохозяйственной буржуазии, правящие круги вынуждены поддерживать принцип максимума и реквизиций. Слишком сложен переплет социально-политических отношений, слишком неясны настроения страны, слишком гнетущи потребности армии, чтобы можно было идти напролом, и только реставрация жиронды, только приход к власти крупной буржуазии определяют судьбы максимума. Он падает — так же, как он возник, как продукт сложной социальной и политической борьбы, как продукт борьбы классов⁸⁶.

1 Общая характеристика этого периода дана в нашей работе: „Заговор Бабефа“. Изд. «Прибой». Л. 1927. Стр.52—93 passim.

2 Ср. Фалькнер. Бумажные деньги франц. революции. М. 1919 стр.193, главным же образом в труде Е.В.Тарле. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. Т.2. Стр.342, 336 345, 434.

3 Много материала содержится в изданных Gerbaux и Schmidt'ом «Proces-verbaux des comites de l'agriculture et de commerce». Однако материал этот, главным образом, сложен иллюстрацией экономического положения страны и будет использован нами в другой связи. Издаваемые Caron'ом протоколы «Commission des subsistances de l'an II». P. 1925. обрываются пока что, на Жерминале 11-го года.

4 См. в особенности Marion. La vente des biens nationaux. pp.242—250. Лучицкий. «Состояние земледельческих классов...» В Киевских Университетских известиях: № 5 за 1912 год, стр.140—157.

5 Е.В.Тарле. Указ.соч., стр.423.

6 Там же, стр.427.

7 Тарле, ук.соч., стр.428.

8 Ср. мнение Jaures а, указывающего на то, что весной 1794 года «Комитет общественного спасения ищет смягчить непопулярность закона о максимуме среди имущих слоев населения» (La convention, p.1783).

9 Recueil des actes du Comite de Salut public. T.XV, p.550.

10 Recueil des actes. Ibidem, T.XV, p. 551.

11 Recueil des actes. T.XVII, p.176.

12 Recueil des actes, T.XV, p.672.

13 Там же Т.XVI, стр.155.

14 Там же, стр.203.

15 Там же, стр.577.

16 Там же, Т.XVII, p.49.

17 Е.В.Тарле. Указ.соч, стр.474.

18 Там же, стр.310—311.

19 Recueil des actes du Comite de Salut public. T.XV, p.583.

20 Там же, Т.XVI, стр.805.

- 21 Там же. Т.XV. p.544.
- 22 Тарле. Указ.соч., стр.329.
- 23 Тарле, Указ.соч., стр.434.
- 23 Recueil des actes. Т.XV, p.648.
- 24 Там же, Т.XVI. стр.74.
- 25 Ср. Тарле, стр.360—363.
- 26 Recueil des actes. Т.XVII, p.401.
- 27 Recueil des actes. Т.XVII, p.154.
- 28 Характерно постановление Комитета торговли, отказавшегося 4-го вандемьера утвердить постановление комиссии торговли, удовлетворившей просьбу парижских торговцев о повышении максимальных цен на масло и яйца. Докладчик комитета Joubert нашел невозможным делать частичные отступления от закона о максимуме и резко нападал на торговцев, виновных в появлении хвостов у лавок (Gerbaux et Schnudt. op.cit. Т.IV, p.455). Комитет торговш был вообще очень активен в применении и регулировании максимума. См. постановление о таксации одеял, выделявавшихся в Liseux (ibidem, p.526) и т.д., и т.д.
- 29 Тарле. Указ.соч, стр.388.
- 30 Recueil des actes. Т.XV, p.706
- 31 Там же, Т.XV, стр.115.
- 32 Тарле, Т.XV, стр.50».
- 34 Recueil des actes Т.XVI, p.581. Ср. Тарле. стр.433.
- 35 Там же, Т.XVI, стр.557.
- 36 Там же, Т.XVI. стр.277.
- 37 Ср. постановление комиссии торговли об обязательной экспертизе принимаемого зерна. Комиссия постановила платить за зерно низшего качества во столько раз Меньше, во сколько оно по качеству своему будет уступать зерну первосортному. Рекомендую полюбовную сделку с крестьянином, комиссия все же ввела и арбитраж эксперта, назначаемого национальным агентом. Такая система вряд ли могла располагать крестьян к своевременному выполнению возложенной на них повинности. Recueil. Т.XVII, стр.305.
- 38 Там же, Т.XVII, стр.176;
- 39 Там же, Т.XVII стр.176.
- 40 Там же, Т.XVII, стр.667—668.
- 41 Recueil. Т. XVI, p.110.
- 42 Там же, Т.XVII, стр.230.
- 43 Там же, Т.XVII, стр.230—231.
- 44 Moniteur. Т.XXI, p.75.
- 45 Н. Лукин. Революционное правительство. Стр.186, 187.
- 46 Mallet du Pan. Meinoires et corresp. Т.II, p.29.
- 47 Moniteur. Т.21, p.75.
- 48 Momteur. Т.XXI, p.527.
- 49 Это было первое заседание Comite de commerce et approvisionnements, организованного согласно декрету 6-го фруктидора. Gerbaux et Schmidt. Proces verbaux des comites d agriculture et de commerce. Т.IV, p.421.
- 50 Momteur. Т.XXI, p.694.
- 51 Ibidem, p.695.
- 52 Moniteur. Т.XXI, p.763.
- 53 Moniteur Т.XXI, p.764.
- 54 F.Bornarel. Cambon et la revolution francaise. P. 1905, p.328.
- 55 Ср. Arnaud. Cambon. P. 1926, p.258.
- 56 Moniteur. Т.XXI, p.764.
- 57 Там же, стр.184; Лукин. Революц. правительство. Стр.142.
- 58 Annales Historiques de la Rev. Fr. № 19, p.56. Статья Mathiez'а «La reorganisation du gouvernement revolutionnaire».
- 59 Я.М.Захер. Сен-Жюст. Стр.29.
- 60 Buchez et Roux, Т.32, p.305.

61 Ibidem, p.306.

62 Ibidem, p.325, 326. Цит. по Захеру, стр.30. Mathiez, ук.статья, стр.56. У Лукина (ук.соч. стр.128) этот важнейший § декрета 27-го жерминаля опущен.

63 Комитет рассматривал проект *Blutel*'я в заседаниях 24 и 28 фруктидора (заседания 6-ое и 8-ое). В протоколе находим обычное, суммарное упоминание о ведшейся вокруг проекта дискуссии. Gerbaux et Schmidt. Op.cit. pp.438, 443.

64 Monieur, T.XXI, p.779.

65 Тарле, ук.соч, стр.433.

66 Там же, стр.351.

67 Moniteur, p.268

68 Moniteur. T.XXI, p.797.

69 Moniteur. T.XXI. p.797.

70 Тарле, ук.соч., стр.338.

71 Moniteur. T.XXII, p.6.

72 Moniteur. T.XXII, p.21.

73 По докладу Lindet, Конвент поручил своим комитетам рассмотреть вопрос о свободном экспорте предметов роскоши, при условии соблюдения системы компенсационного баланса.

74 Moniteur. T.XXII, p.80,

75 Ibidem T.XXII, p.93.

76 Moniteur. T.XXII, p.125.

77 Ibidem. T.22, p.376.

78 Первоначальный проект об единых в одном декрете максимум и реквизиции. Он был принят Комитетом торговли еще 21-го фруктидора 17-го сентября, (по докладу Eschasseriaux, Gerbaux et Schmidt. Op.cit. p.423). Проекты, внесенные в Конвент, резко отличаются от первоначального текста, принятого комитетом. Так, первоначально предполагалось сохранить модус исчисления максимума на хлеб, зерно и фураж, установленный в законе 21-го сентября 1793 г.

79 Moniteur. T.XXII, 424. Lindet с 21 вандемьера был председателем комитета торговли и снабжений (Gerbaux et Schmidt. Op.cit., стр.481).

80 Ibidem.

81 Bornarel, op.cit., p.329.

82 Moniteur. T.XXII, p.425.

83 Moniteur. T.XXII, p. 427.

84 Ibidem, p.456. У Фалькнера («Бумажные деньги», стр.304) предложение *Real*'я передано в искаженном виде.

85 Moniteur. T.XXII, p. 470. Следует также отметить значительное отягчение кары за нарушение максимума. — Главная кара — штраф, в первый раз в одинаре, со второй — в двойном размере и т. д.

86 Для нашей темы чрезвычайно важно установить, как реагировали на основные вопросы экономической политики группировки, не представленные в Конвенте, как, в частности оформлялась оценка максимума в классовом самосознании отдельных социальных слоев. Анализ этих вопросов должен составить предмет особого очерка и предварить попытку разрешения проблемы классовой сущности закона о максимуме.